

Виктор Петрович Астафьев

«О ТВОРЧЕСТВЕ»

Первый рассказ Юрия Нагибина я прочитал еще в госпитале, вскоре после войны. Назывался он «Деляги». Может быть, я не стал бы вспоминать о нем, но в этом рассказе проявилась, как мне кажется, характернейшая черта всего последующего творчества любимого мной писателя: умение точно уловить время и передать свое отношение к этому времени.

Коротко напомним содержание рассказа: два человека — старший сержант Степан, ходовой, как говорится, мужик, и тихий солдатик Егор, выйдя из госпиталя, оказались открытыми всем мирским ветрам. И вот они решили пойти по пустым, разбитым деревням и там заняться ремонтом жилья, запущенного, порушенного войной, заработать, естественно, на этом деле, определиться, устроить личную жизнь. В первом же большом селе они находят работу: Егор — у

вдовы-скотницы, Степан — на фабричке местного значения. Поскольку они давно уже на мирной ниве не трудились, работается им в охотку. Но вскоре выясняется, что ни вдовица, ни хилое фабричное предприятие заплатить им ничего не могут, только — кормить и давать ночлег. Да и откуда взяться капиталам посреди всеобщего разора? Планы обогащения друзей рухнули. Конечно, хапнуть, урвать бессовестно последнюю копейку — иному, глядишь, и оказалось бы с руки. Но не такого рода эти ребята, наученные войной... доброте.

Я потому так подробно говорю о рассказе «Деляги», что в нем был точно найден нерв нашей жизни того времени; я и сам был когда-то в сходной ситуации, точно так же возвращался из госпиталя и вместе со мной — десятки, сотни молодых людей, которым мирная жизнь давалась совсем не так легко, как это порой изображалось в нашей литературе середины сороковых — начала пятидесятых годов. Иногда думалось: вот бы так прыгнуть прямо из жизни на страницы тех безмятежных книг!..

Начиная с рассказа «Деляги», в меру возможностей своих (а они были невелики, эти возможности: заполучить нужную для твоей души книгу), я старался не пропускать ничего у Нагибина. Взять хотя бы такие рассказы, как «Зимний дуб», «Комаров», «Четунов — сын Четунова» и другие того же времени. Этот цикл венчался совершенно удивительным, на мой взгляд, прекрасным рассказом «Перед праздником». Это рассказ о девочке, о ее взрослении, о расцвете души. Светлый, ясный рассказ, и название дал ему писатель очень точное.

Много говорилось в тех рассказах о нравственном отношении к человеку, чаще всего к маленькому, и не столько в том понимании, которое рождает образ гоголевского Акакия Акакиевича, а в прямом — к детям. Учить детей светлому восприятию жизни — великое дело, но одновременно надо учиться у детей такому восприятию.

Рассказы Нагибина Мещерского цикла, казалось бы, посвящены охоте, на деле же этот цикл порожден чувствами и мыслями, занимавшими писателя, когда он писал о детях, об отношении к ним.

Мещерский цикл — очень хорошая проза. И вот что любопытно, она завершалась рассказом «Олежка женился», которым в творчестве писателя начиналась совсем другая тема. Тут появился и стал во весь рост герой, мелькнувший в раннем рассказе Нагибина «Ночной гость», герой, олицетворяющий эгоистическое, потребительское, паразитарное отношение к жизни. Человек благополучный, прочно устроенный в жизни и знать не желающий, что творится за толстыми стенами его преуспевания. И еще мне хочется сказать об одной благородной черте писателя Нагибина, который не только сам не забывает, что воевал, но всегда помнит о рядом живущих товарищах, по которым война прошла колесом. Люди эти у Нагибина всегда сложные, мудреные, немного стесняющиеся своего увечья — тут точно уловлена глубоко национальная черта: скромность нашего народа, скромность людей, отдавших войне, отечеству, согражданам порой больше, чем жизнь...

Всю жизнь, начиная с 50-го года, я читал всё, что печаталось под фамилией Нагибин, всю жизнь испытывал к нему дружеские чувства, при редких встречах и беседах имел возможность, если не высказать, то дать почувствовать мое к нему расположение, безмерную любовь к его творчеству. Меня никогда не охватывала зависть к его литературно-киношной удачливости, умению «наживать деньги», что давало ему возможность хотя бы материально жить независимо. И никакой художественной зависимости или духовной я от Нагибина не испытывал, а вот работоспособности его дивился.

Говорить о творчестве Ю. Нагибина не просто и в то же время интересно. Тут непочатый край для разговоров, но мне хотелось бы поделиться одним личным переживанием, связанным с началом наших отношений.

Так сложилась судьба, что первый писатель, к которому я обратился со своим рассказом, был Нагибин. Я жил в ту пору в маленьком, глухом городишке на Урале. И вот мне подумалось, что наконец-то я написал писателю, которого я читаю и чье мнение для меня важно. И я поехал к Ю. Нагибину. Надо сказать, что он отнесся к этому корявому рассказу на редкость внимательно. Он ответил мне из Москвы. Был он тогда в редколлегии журнала «Знамя» и рекомендовал меня для опубликования. Так началась моя жизнь в

литературе. И я считаю, что у меня есть гражданская, что ли, задолженность перед Нагибиным.

На протяжении всей своей творческой жизни Юрий Маркович очень много времени и сил отдает начинающим авторам. Я знаю десяток ныне известных литераторов, которым он бескорыстно, по-человечески помог, и есть несколько человек, с которыми он возится уже не первый год, наставляя их литературному уму-разуму. Это свидетельство душевной щедрости большого художника. И я горжусь тем, что живу в одно время с таким писателем, что он был в какой-то мере и моим шефом в начале моего творческого пути и что нас связывают добрые товарищеские отношения.